

Морис Бежар украл ангела

Русский телеграф, — 1998, — 7 марта, — с. 11

Директор балетной труппы Charleroi-Danse Фредерик Фламан обвинил Мориса Бежара в плагиате. Он требует, чтобы Бежар выбросил из своего балета «Жилище священника» целую сцену. Фламан утверждает, что эту сцену Бежар взял из его спектакля «Падение Икара». В этом эпизоде появляется почти обнаженный танцор с крыльями за спиной. Он передвигается с трудом, потому что к его ногам прикреплены телевизоры. Суд согласился с Фредериком Фламаном. Приговоренный к штрафу Бежар готовит апелляцию. В апреле «Жилище священника» покажут в России. Комментарий Павла Гершензона.

Бог мой! Некий, никому не известный Фредерик Фламан предъявил претензии престарелому балетному идолу Бежару! А ведь мог бы и промолчать, тем более что, без сомнения, этот самый Фламан — всего лишь мелкая, бледная, вялая бежаровская копия (а что может быть другое в центральноевропейском балетном регионе).

Утверждают, что Бежар использовал сцену из фламановского «Падения Икара». Допускаю, что это так. А с чего содрал своего «Икара» Фламан? Может быть, с «Икара» Сержа Лифаря, поставленного в 1935 году? Там тоже были крылья за спиной.

По поводу крыльев: ими, между прочим, вот уже двести лет метут сценическую пыль сильфиды, виллы и прочие дриады.

По поводу наготы и меры обнаженности бежаровского танцора с крыльями: и здесь все далеко не так просто. Спешу напомнить, что тип «обнаженный мужчина» (как и тип «обнаженная женщина») первым вывел на балетную сцену именно Морис Бежар — если мне не изменяет память, году так в 1959, в «Весне священной». Правда, тогда артисты были целомудренно обтянуты трико — еще не было забыто золотое правило эротики: вожденней то, что более прикрыто, — вторая кожа лишь подчеркивала прелести боди-ландафта. Это был триумф Бежара и триумф европейского балета. Потом началась сексуальная революция, нравы осмелели, трико, соответственно, исчезли (остались тоненькие бандажы — обычно кожаные, которые позволяли публике беспрепятственно поедать глазами телесные красоты и не мешали артистам танцевать). Но тут балетный бум как-то сам собой стал увядать.

Припоминаю грустный анекдот, ходивший на московском балетном конкурсе 1985 года: американский хореограф Роберт Джоффри, заседавший в жюри в первом ряду партера Большого театра, ежеднев-

НИКОЛА САМОНОВ

но приносил с собой мощный оптический прибор, в который разглядывал танцующих конкурсантов. Что, естественно, вызвало вопросы — ведь все были уверены, что слепой в жюри была только Алисия Алонсо. В антракте кто-то умудрился подсмотреть в заветный окуляр — выяснилось, что сфокусирован этот прибор точно на той части тела юных танцовщиков, которую скрывает бандаж. Не помню, действительно ли лауреатом конкурса стал тот, у кого самый большой. Через несколько лет Роберт Джоффри одним из первых пал жертвой СПИДа.

Дальше и совсем печально: балетмейстеры повсеместно стали срывать с мальчиков буквально последнюю тряпицу. Тут нужно заметить, что обычно делается это тогда, когда танцы что-то плохо сочиняются — ведь понятно, что элегантно и точно в такт покачивать освобожденными гениталиями еще мало кому удавалось. Так что между степенью обнаженности и присутствием хореографии можно выстроить обратно пропорциональную зависимость. Бежар легко мог бы лишиться своих артистов последнего прикрытия

— и это было бы простительно: за свои семьдесят лет он насочинялся танцев вдоволь. Дайте ему отдохнуть, оставьте его в покое. А вот то, что директор Charleroi-Danse (не думаю, что ему семьдесят) привлекает своим голеньким мальчишкам к ногам телевизоры, говорит лишь о его садистских наклонностях и проблемах с хореографическим текстом.

По поводу телевизоров: стоило ли из-за такой банальности обращаться в суд — тоже мне, *coup de theatre*.

По поводу плагиата: это судебное разбирательство и употребление термина «плагиат» есть сигнал того, что эпоха постмодернизма закончилась и в балете, а значит, отменены такие понятия, как «цитата» и «аллюзия». Иначе не было бы предмета иска. Можно посоветовать установить точную дату окончания постмодернизма в различных отраслях искусства (для каждой — свою), иначе суды могут быть завалены исками.

Что до проблем собственно балетного плагиата, то он существует в многочисленных и причудливых вариациях.

Вот, к примеру, вариант в форме рондо: Михаил Фокин сочинил гаремную оргию «Шехеразады», с которой Ростислав Захаров содрал гарем для своего «Бахчисарайского фонтана», с которого поделельники Андريس Лиэпа и Изабель Фокина сдули гаремную оргию для своей собственной «Шехеразады», которая, как они утверждают, как бы Михаила Фокина.

Непреднамеренный балетный плагиат: вся сфера культурной хореографии от истоков до Алексея Ратманского. Поясню. Недавно по телевизору проштрафившийся балетмейстер Мариинского театра Олег Виноградов объяснял нам, что задачей хореографа является выдумывание движений и поз. Олег Михайлович, как вы думаете, много ли движений и поз выдумал за свой долгий век великий хореограф Мариус Иванович Петипа? А сколько слов выдумал Лев Толстой, много ли звуков насочинял Чайковский?

Злостный балетный плагиат: «Баядерка» в оригинальной хореографии Петипа, перенесенная покойным Рудольфом Нуреевым руками его давней ленинградской партнерши Нинели Кургапкиной на сцену парижской Оперы. Но в афише и на видеокассетах значится: La Bayadere. Choreography and staging — Rudolf Nureev. А рядом триумфально сияет копирайт Opera de Paris. Мариинский театр остается с носом.

Плагиат, не поддающийся комментариям: намерение все того же Олега Виноградова создать в Лос-Анджелесе (США) балетную труппу под названием Kirov Ballet Company. Пару лет назад он носился по экранам телевизоров с маниакальной идеей построить в Японии точную копию Мариинского театра и заселить этот театральный эрзац точными копиями маринских балетов. (В качестве объяснения: срочно ищу компаньонов для открытия в Нью-Йорке Opera de Paris Company, La Scala Company, Bolshoi Theater Company на выбор. За справками обращаться в отдел культуры «Русского Телеграфа».)

Стоический балетный плагиат: художественная деятельность Бориса Эйфмана. На его пресс-конференциях всегда забавно выслушивать пассажи про его особый путь в искусстве, а на его спектаклях — составлять перечень одолженных у Бежара и Ноймайера комбинаций. С их помощью Борис Яковлевич успешно погружает западную публику в мутные пучины русского характера.

Балетный антиплагиат (радикальный вариант): знаменитый балетный антиквар и реставратор Пьер Лакотт поступил решительно — создал себе имя, выдав собственную «Сильфиду» за «Сильфиду» Филиппо Тальони.

Типологию можно продолжить, но это заведет нас далеко. Короче: понятно, что всю эту скверную историю директор Charleroi-Danse Фредерик Фламан затеял, чтобы привлечь к себе внимание. И цель достигнута: весь мир замер в вялом напряжении. Думаю, что на ближайших представлениях Charleroi-Danse будут наблюдаться аншлаги. А отечественные балетные обозреватели, обезжиренные российскими репертуарными диетами, могут его поблагодарить — появилось наконец, о чем написать.